

МАРК УРАЛЬСКИЙ

Бунин и евреи

по дневникам,
переписке
и воспоминаниям
современников

А л е т е й я

Марк Леонович Уральский

Бунин и евреи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42743019

Бунин и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников / М.Л. Уральский; предисл. С. Гардзонио: Алетейя;

Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-906980-47-2

Аннотация

Книга посвящена истории взаимоотношений Ивана Бунина с русско-еврейскими интеллектуалами. Эта тема до настоящего времени оставалась вне поле зрения буниноведов. Между тем круг общения Бунина, как ни у кого другого из русских писателей-эмигрантов, был насыщен евреями – друзьями, близкими знакомыми, помощниками и покровителями. Во время войны Бунин укрывал в своем доме спасавшихся от нацистского террора евреев. Все эти обстоятельства представляются интересными не только сами по себе – как все необычное, выходящее из ряда вон в биографиях выдающихся личностей, но и в широком культурно-историческом контексте русско-еврейских отношений. Документальным подтверждением этой точки зрения и является представляемая вниманию читателя книга, в которой помимо материалов, касающихся непосредственно заявляемой

темы, приводятся систематизированные сведения о рецепции образа писателя его современниками.

Содержание

Предисловие	5
Введение: к постановке темы	11
Глава I	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Марк Уральский Бунин и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников

К 65-летию со дня кончины И. А. Бунина

Предисловие

В преддверии 65-летней годовщины со дня смерти первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина (22 октября 1870, Воронеж – 8 ноября 1953, Париж) интерес к его личности и деталям биографии не ослабевает. Ибо не только чтение текстов писателя приближает его к нам, но и раскрытие деталей биографии, интимных моментов личных переживаний, тех или иных мотиваций поступков и деяний. Все это делает историческую *буниниану* живой и очень востребованной областью документальной литературы.

Новая книга Марка Уральского в этом отношении – яв-

ление особого рода. Впервые в истории литературы автором затронута тема, ранее по многим причинам остававшаяся вне поля зрения буниноведов. Причины эти автор подробно рассматривает, стремясь всесторонне аргументировать саму правомочность темы «Бунин и евреи».

В целом книга Марка Уральского – это художественное исследование истории взаимоотношений русских и еврейских литераторов и, опосредованно, «еврейского вопроса» в России и в русской эмигрантской диаспоре «первой волны». Здесь, однако, автора в первую очередь интересует картина личных связей Ивана Бунина с литераторами и общественными деятелями еврейского происхождения, входившими в его очень широкий «круг общения». Немалое внимание уделяется, в частности, личности Ильи Марковича Троцкого – видного русского журналиста «русскословца», затем эмигранта, активного общественника русской эмиграции «первой волны», историю жизни и деятельности которого автор совсем еще недавно и опять-таки впервые описал в своей книге «Неизвестный Троцкий»¹.

Небольшой, но информативный общий обзор восприятия евреев и еврейской жизни в русской культурной традиции позволяет читателю понять причины появления в русской литературе «серебряного века» отдельной «еврейской темы». Автором воссоздается пестрая по идеологическим

¹ *Уральский Марк. Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим-Москва: Гешарим – Мосты культуры, 2016.*

акцентам и эмоциям картина литературного дискурса о еврействе, в котором принимали участие такие маститые знаменитости той эпохи, как Л. Андреев, В. Короленко, В. Розанов, М. Горький, В. Буренин, З. Гиппиус, А. Белый, Е. Чириков и др. Одновременно описывается деятельность ново-явленных русско-еврейских литераторов, в первую очередь Осипа Дымова и Владимира (Зеева) Жаботинского.

В своих описаниях и анализе Марк Уральский стремится дать, по возможности объективно, оценку долгого и непростого процесса «притирки» русского и еврейского типов ментальности и мировидения на всеобъединяющем поле великорусской культурной традиции. В его представлении все эксцессы юдофобства, в том числе и печально известная публицистическая активность Василия Васильевича Розанова, отстаивавшего правомерность кровавых наветов на евреев, для духовной атмосферы «серебряного века» – это в целом не более чем артефакты русского коллективного бессознательного. В годы, предшествующие революции, по мнению Марка Уральского, остевая тенденция русской общественной мысли как идеалистического, так и марксистского направлений была выражено юдофильской.

При этом Марк Уральский вовсе не склонен преуменьшать, а тем более игнорировать фактор антисемитских настроений, видя в них культурный код, исторически присущий русскому социуму, как, впрочем, и всей христианской культуре в целом.

Особое внимание в книге, естественно, уделено Ивану Бунину, в первую очередь его отношению к «еврейскому вопросу» – и в общественно-публицистическом, и в сугубо бытовом плане. Подробно, с привлечением интересных фактов, описываются различные эпизоды его биографии: от юности до разгара гражданской войны – «окаянных дней» – и долгих лет изгнания. Основываясь на громадном материале: литературных текстах, воспоминаниях и письмах, Марк Уральский тщательно анализирует отношение Бунина к евреям. Он тенденциозно, однако доказательно, выделяет доселе упорно замалчиваемый в буниноведении факт, что в изгнании единственным, по существу, надежным местом для жизни у писателя стала именно «еврейская гавань».

Здесь имеется в виду сплоченный круг друзей и покровителей Бунина еврейского происхождения: от малоизвестных с ним лично меценатов типа Френка Атрона, до ставших близкими друзьями и незаменимыми помощниками – супругов Фондаминских, Цетлиных и Алдановых, молодых эмигрантских литераторов А. Бахраха и А. Седых или уже упомянутого И. Троицкого.

Одним из выражений «еврейской поддержки» явился негласный лоббистский комитет (Марк Алданов, Илья Троицкий, Серж де Шессен), образовавшийся с целью продвижения кандидатуры Ивана Бунина на Нобелевскую премию по литературе и немало поспособствовавший успеху в реализации этой задачи. Как своего рода парадокс звучит отмечен-

ный автором интересный факт, что в этом случае основным конкурентом Бунина был другой русский писатель-классик – Максим Горький, который, в отличие от Бунина, всегда манифестировал себя в качестве убежденного юдофила.

Отдельной главой в книге стоит рассказ о гражданском подвиге И. А. и В. Н. Буниных, приютивших во время нацистской оккупации Франции в своем доме и тем самым фактически спасших от гибели трех евреев – писателя А. Бахраха и пианистов супругов Либерман. Отметим особо, что именно автор настоящей книги первым из всех, кто имел отношение к буниноведению, обратил внимание на этот эпизод в биографии великого русского писателя. Таким образом, Бунин является *единственным* из довоенных нобелевских лауреатов по литературе, кто явил себя в роли спасителя евреев в трагические годы Холокоста.

На основании материалов, представленных Марком Уральским и проведенных Российским еврейским конгрессом и научно-просветительским центром «Холокост» (Москва) дополнительных изысканий, ими был инициирован процесс присвоения Бунину и его супруге Вере Николаевне Муромцевой-Буниной звания «Праведники народов мира», присваиваемое Израильским национальным мемориалом Катастрофы (Холокоста) и Героизма евреев «Яд Вашем».

Книга завершается интересно подобранным и в отдельных случаях впервые публикуемым эпистолярным материа-

лом – «Переписка Алдановых и Ильи Троцкого с Буниными, письма Бунина Марку Вейнбауму и В. Н. Буниной М. С. Цетлиной». В этой главе автору удастся реконструировать уникальный культурный и экзистенциальный диалог Бунина, который он вел со своими еврейскими корреспондентами на протяжении более тридцати лет жизни; показать, как в угнетающе тяжелой бытовой ситуации писатель упорно стремился оставаться на плаву, не теряя ни творческих сил, ни глубокой веры в свое литературное избранничество.

Представляется важным отметить, что книга Марка Уральского как образец научно-документальной прозы относится к разряду «серьезного» чтения. Сама же тема «Бунин и евреи» является отнюдь не маргиналией. Она, безусловно, важна и необходима, как для углубленного понимания творческого пути Ивана Бунина, так и для духовных импульсов, определяющих жизнедеятельность русской культуры в целом.

Стефано Гардзонио

Введение: к постановке темы

Всё проходит, да не всё забывается.

Иван Бунин

Писать о роли евреев в русской культуре не только не нескромно, но необходимо. И это нужно для обеих сторон, поскольку именно здесь их общее поле.

Академик Владимир Топоров

Иван Алексеевич Бунин предрекал, что дневники и все, что связано с интимной стороной биографии того или иного писателя, будет по прошествии времени востребовано куда больше, чем его произведения. Бунин, что называется, «зрел в корень», по крайней мере, в отношении собственного литературного наследия. Вряд ли кто-либо сегодня станет заявлять, что «Бунина много читают». Но вот интерес к его биографии и подробностям жизни в читательской среде сохраняется на актуальном уровне. Бунин, пожалуй, единственный русский классик, личность которого привлекает общественный интерес и по сей день. Это утверждение подкрепляется не только постоянными публикациями новых документов по разряду «буниноведение», но и многочисленными литературными и кинематографическими произведениями, как чисто художественными, так и относящимися к разря-

ду документалистики. Образ Бунина постоянно реконструируется, уточняется, интерпретируется. Многие еще в плане всеобъемлющей научной биографии писателя остается до сих пор «terra incognita». Касается это и темы настоящей книги – «Бунин и евреи». Подробное обоснование ее постановки будет дано ниже, здесь же приведем малоизвестный эпизод из жизни молодого Бунина.

21 августа 1913 г. в николаевской «Трудовой газете» была напечатана заметка «Случай с И. А. Буниным»:

«Офицеры прибывшего в воскресенье в Николаев парохода Русско-Дунайского пароходства “Русь” передают о следующем случае с известным поэтом академиком И. А. Буниным, происшедшем во время предыдущего рейса “Руси” из Николаева в Одессу. На пароходе против И. А. Бунина сидело двое кадет. Один из них бросил непогашенную папиросу на палубу. – Молодой человек, – обратился к кадету И. А. Бунин, – потрудитесь потушить папиросу, не то, неровен час, сгорит пароход, и мы с вами сгорим. – Это нахальство с вашей стороны обращаться ко мне с подобным предложением, – заметил обидевшийся кадет. И. А. Бунин, однако, повторил свое предложение. Вспыливший кадет заметил, что за подобное предложение дают “по морде”, и затем добавил: – Не забудьте, пожалуйста, что я кадет 7-го класса, а вы только... жид. Иван Алексеевич обратился к находившемуся на пароходе офицеру, который по этому поводу произвел дознание»¹.

«Разглядел» ли неучтивый кадет в аристократичном по представительским манерам Бунине еврея², или же хотел просто-напросто осадить своего оппонента, мол, «родом дворянин, а делами жидовин» – не суть как важно. В России начала XX в. употребление слова «жид» в сугубо бранной коннотации было явлением широко распространенным. Хотя из официозного лексикона оно было исключено, а в «приличном» обществе относилось к разряду обценной лексики, в быту для уничижительного обозначения еврея его использовали повсеместно, вследствие чего оно стало знаковой меткой антисемитизма.

Напомним, что в Российской империи антисемитизм имел статус государственной политики и был законодательно закреплен целым рядом правовых и поднадзорных актов. По российским законам тех лет евреи, а ими официально считались только лица, исповедовавшие иудаизм, признавались *инородцами* с ограниченными правами на местожительство («черта оседлости»), получение образования («процентная норма»), поступления на государственную службу и т. п.³ С начала XX в., в связи с резким подъемом национальных движений в Российской империи, активизацией борьбы еврейских масс за равноправие и возросшей ролью еврейства в российском социуме, «еврейский вопрос» оказался в числе наиболее «жгучих» и никогда не сходил с повестки дня. В ожесточенной полемике русских либералов-прогрессистов с консерваторами-охранителями еврейская тема бы-

ла, и по сей день (sic!) остается, что называется, разменной монетой. Причем, если на страницах либерально-демократической печати тех лет речь шла о «евреях» и «еврейском вопросе», то в правых изданиях фигурировала зловещая фигура вездесущего «жида», умучивающего великую Россию. Подробный разбор всех проявлений «еврейского вопроса» в русской общественной жизни выходит за рамки данной книги. Лишь некоторые его аспекты, связанные в первую очередь с литературно-публицистической жизнью тех лет, вкратце затронуты ниже, в разделе, посвященном еврейской теме в русской литературе.

В советскую эпоху «еврейская тема» в числе многих других замалчивалась буниноведами по причинам сугубо идеологического характера. Но и в постсоветское время, когда проблематика русско-еврейских культурных отношений стала предметом широкого научного дискурса, интерес к ней, как ни странно, не возник. О «еврейских» контактах Бунина лишь вскользь упоминалось в работах А. К. Бабореко, О. Н. Михайлова и А. В. Бакунцева. И это при том, что такие контакты в последние 35 лет жизни писатель поддерживал с неизменным постоянством. Более того, он во многом зависел от помощи своего еврейского окружения. Основной аргумент, объясняющий стойкое нежелание историков литературы обратить внимание на тему «Бунин и евреи», часто формулируется уклончивым вопросом: «А был ли мальчик?» Существенно ли вообще то, что Бунин якшался с ев-

реями? Ведь он, по общему мнению, как правило, игнорировал в общении с людьми национально-религиозный фактор, выделяя для себя в этом случае лишь их сугубо личностные качества.

Например, историк литературы Константин Азадовский, касаясь в личном сообщении автору настоящей книги самой темы «Бунин и евреи», пишет:

«Лично я не вижу здесь никакой особой проблемы или основания, на котором можно было бы “строить”. Тема “еврейства” самого Бунина не занимала, антисемитизмом он не страдал, относился к евреям – как и подавляющее большинство русской интеллигенции того времени – сочувственно, с участием. Можно говорить, скорее, об известном “юдофильстве” Бунина. Однако юдофильство того или иного крупного художника не предмет для обсуждения (если только он сам не касается этой темы в своих произведениях). Можно (и нужно) говорить о неприятии еврейства или особом к нему отношении у таких писателей, как Достоевский или В. В. Розанов. Можно говорить о сложном восприятии иудейства у таких поэтов, как Мандельштам, Пастернак или Бродский. Но абсолютно нормальное, цивилизованное отношение к евреям, как у Бунина или Леонида Андреева, само по себе не создает историко-литературной или культурологической проблемы».

Однако существует и прямо противоположная точка зрения, которой придерживается автор книги. Согласно ей отношение к евреям со стороны представителей всех цивилизаций всегда «само по себе создает историко-литературную или культурологическую проблему». Наше время и, в частности, его отрезок – первая половина XX столетия, тому наглядное подтверждение. Модель некоей литературной биографии, в которой писатель-реалист Иван Бунин оказывался бы отчужденным от «еврейского вопроса», должна полностью игнорировать его связь с реальностью, т. е. быть «методологически отрефлексированной»⁴, что, как отмечалось выше, и делалось до настоящего времени.

Другое возражение против постановки темы «Бунин и евреи» базируется на том факте, что «евреи» никогда не были ни темой, ни знаковыми персонажами в его произведениях. «В основе <...> содержания, объединяющего все, что Буниным написано, – лежит вечный общечеловеческий вопрос: кто я? откуда я вышел? куда я иду? – и с изумлением перед непостижимостью ответа на этот вопрос соединяется благодарная уверенность, что “пустой и глупой шуткой” жизнь наша в целом быть не может»⁵.

И хотя этот «вечный общечеловеческий вопрос» звучит в прозе Бунина не сам по себе, как внутренний монолог, отстраненный от отношений с окружающим миром, а в жесткой, до мельчайших деталей проясненной связке с данностью – реальным человеческим бытием, евреи в нем никак

не задействованы.

Да и в личном плане у Бунина тоже никакого особого интереса к евреям не наблюдается. В российский период жизни среди его друзей евреев раз-два и обчелся. А то, что он с евреями тесно общался в эмиграции, это, мол, отличительная особенность бытовых условий, в которых он тогда находился. В первую очередь имеется в виду постоянная зависимость Бунина от доброхотства третьих лиц, богатых или влиятельных, среди которых большинство составляли евреи – «О, евреи, это сила!»⁶, но никак не душевное влечение или особого рода интерес. Особый акцент здесь делается на высказывании Александра Бахраха⁷ о Бунине, что, мол, «в личных отношениях у него подлинно “несть ни элина, ни иудея”»⁸. При этом никак не принимается во внимание очевидное обстоятельство: в христианском обществе этот принцип должен являться поведенческой нормой. Бахрах же делает на этой выдержке из высказывания апостола Павла особый акцент именно потому, что в реальности, увы, дело обстоит иначе, точнее – совсем наоборот, и еще для того, чтобы подчеркнуть, насколько глубоко было размежевание эмигрантского сообщества по линии антисемитизма.

Более того, не будь у Бунина в эмиграции такого множества еврейских знакомых, навряд ли «пробился» бы он в нобелевские лауреаты – см. об этом ниже в гл. III., а также в разделе «Нобелевские дни Ильи Троицкого. “Буниниана”» книги

автора «Неизвестный Троцкий»⁹. В любом обществе отношение к иноплеменникам-евреям никогда не было и не могло быть нейтральным. Позиционирование себя по отношению к евреям – «за» (юдофил) или «против» (юдофоб), всегда представляет для человека сознательный выбор. Здесь третьего не дано, чего-то среднего между этими полярными характеристиками ни русская культура в частности, ни христианская культура в целом до сего времени не выработали. Поэтому аргументы в пользу игнорирования «еврейского фактора» в жизни Бунина не кажутся убедительными, более того, в контексте реконструкции научной биографии Бунина они выглядят поверхностными, требующими по самым разным причинам, о коих речь пойдет ниже, всестороннего рассмотрения и уточнения.

Среди трепетных почитателей Бунина нередко можно встретить убеждение, что, мол, Бунин был юдофилом и относился к евреям так же, как, например, это про себя говорил Максим Горький: «Еврей вообще симпатичен мне, а симпатия – явление “биохимическое” и объяснению не поддается»¹⁰.

Существует и противоположное мнение, что Бунину якобы был не чужд «типичный “расейский” бытовой антисемитизм, не очень злобный и, конечно же, не являющийся выражением какой бы то ни было законченной идеологии. Бытовые бунинские предрассудки не ограничивались репликами насчет евреев. Нелицеприятные высказывания писателя

в адрес иноплеменников зафиксировал, например, в своих воспоминаниях¹¹ Владимир Зензинов¹², да и в дневниках Бунина на них можно натолкнуться. Все это – проявление болезненной раздражительности в форме аффектации, присущей русскому провинциальному барину, человеку, своему до самодурства, не считающемуся ни с законами логики, ни с правилами светского приличия, амплуа, которое Бунин культивировал еще до эмиграции, в противовес либерально-демократическим нравам литературной среды в столицах, и потом в эмиграции, как хранитель и представитель настоящего русского духа и быта».

Данное мнение, высказанное опять-таки в личной переписке, принадлежит одному западному слависту. Интересно оно в частности и потому, что включает в себя «типичный “расейский” бытовой антисемитизм» как одну из составляющих «настоящего русского духа и быта», т. е. придает ему статус «культурного кода», о чем подробнее будет сказано ниже. Истина, как обычно, находится где-то посередине. Скорее всего, по жизни, в бытовых ситуациях Бунин не выказывал себя ни юдофобом, ни юдофилом, а свои симпатии или антипатии по отношению к евреям проявлял в зависимости от конкретной личности, с которой ему приходилось иметь дело, да житейской ситуации. Он мог, например, использовать знаково еврейскую фамилию Шмулевич в качестве уничижительного именованя писателя Ивана Шмелева, человека ему крайне не симпатичного, обвинявшегося

после войны в пронацистских симпатиях. Здесь налицо, конечно, своего рода антиномия, но построена она на обыгрывании юдофобского стереотипа, что с позиции современных норм политкорректности недопустимо. Мог Бунин и подшутить, обыгрывая «еврейскую тему», с близким ему человеком и этим его задеть – см. ниже эпизод с Семеном Юшкевичем; мог, не исключено, в силу природной вспыльчивости, при случае, в узком кругу, и до брани опуститься. Но при всем этом сам «еврейский колорит» его не только не раздражал, а, скорее, был ему симпатичен. Как свидетельствует Бахрах, он «любит пойти иногда в еврейский ресторан и отлично осведомлен о многих патриархальных еврейских обычаях, которые практикуются только в очень ортодоксальной среде. Не знаю, где он мог эти обычаи изучить.

– Вот вам прекрасный обычай: глава семьи, почтенный старец с седой бородой и в ермолке, после какой-то праздничной трапезы торжественно обмакивает свой палец в стакан палестинского вина – уж очень оно на мой вкус крепкое – и потом резким движением стряхивает осевшие на пальце капли с возгласом: “Да погибнут враги Израиля!”.

Он часто делает это сам, посылая цветистые проклятия по адресу политических врагов»¹³.

Исследовать отношение Бунина к евреям интересно не только в бытовом плане, но и в мировоззренческом, поскольку юдофобия, как уже отмечалось выше, – один из русских культурных кодов, сопутствующий всему «сугубо расейско-

му». Антисемитизм же и диктуемый им «еврейский вопрос» всегда остро стояли на повестке дня, как в повседневной российской политической жизни, так и в эмигрантской среде. Да и сегодня, например, тема «Бунин и французы», в научном плане совершенно не раскрытая, звучит вполне нейтрально, тогда как «Бунин и евреи» – провокативно, в чем автор убедился на собственном опыте.

Одним из объяснений этому феномену, является неадекватность восприятия определений «русский» и «еврей», поскольку в исконной русской ментальности они находятся на разных уровнях ценностной шкалы. Например, в качестве наивысшей похвалы Чехову, Бунин пишет: «Толстой, отношение которого к Чехову было отношением нежной влюбленности, сказал: “Вот вы – русский! Да очень, очень русский”, – ласково улыбаясь, обнял Чехова за плечо...»¹⁴.

Трудно представить себе, что в такой форме Толстой мог отозваться о каком-то близко знакомом ему еврее, например, своем яснополянском домашнем докторе Григории Моисеевиче Беркенгейме (1872–1919), который, по отзывам современников, был «опытный врач и умный, милый человек, хорошо знающий и понимающий семейные отношения в доме Толстых»¹⁵.

Прямая замена знакового определения «русский» на «еврей» с сохранением смысла и хвалебной интонации высказывания просто-напросто невозможна. А вот в аналогичном гипотетическом случае с французом или же грузином, мало-

россом, армянином... никаких затруднений не возникает.

В эпоху «серебряного века», в условиях неприкрытой враждебности царской власти по отношению к своим еврейским подданным, Бунину, как, впрочем, и другим русским писателям и общественным деятелям, не раз приходилось делать выбор – «за» он или «против» евреев. Такого рода позиционирование становилось особенно актуальным на фоне еврейских погромов 1905–1907 годов и изгнания евреев с насиженных мест в годы Первой мировой войны.

Во время Гражданской войны, когда массовые погромы еврейских местечек и махровый антисемитизм, культивируемый в белом стане, вынудили еврейские массы встать на сторону большевиков, в глазах значительной части русского общества евреи превратились в основной источник и причину российских несчастий. Все беды валили на них, причем зачастую люди, ранее в юдофобстве не замеченные, как например, сблизившийся в революционной Одессе с Буниным писатель Иван Наживин¹⁶, стали воинствующими носителями «ходячего уличного мнения о еврейском кагале, о еврейской зловредности».

«В газете “Свободная речь”, выходившей в Ростове-на-Дону, 9 октября 1919 г. была напечатана статья-обращение “К еврейской интеллигенции” писателя Ив. Наживина, “народного монархиста”, как его называли. Автор статьи подчеркивал, что он никогда не был антисемитом, никогда “не

поднимал голоса против еврейства”, а напротив – усердно изучал историю еврейского народа, “поражался красочностью и какой-то исключительной трагической красотой его истории”, и это дает ему основание и право надеяться на то, что еврейская интеллигенция “может выслушать его спокойно и серьезно”. <...>

Основной пафос наживинской статьи заключался в обращении к еврейской массе: “Уходите отовсюду, где вас видно, молчите, спрячьтесь, пожертвуйте собой нашему народу и той России, в которой вы живете, дайте ей покой”. В противном случае еврейству несдобровать, предупреждал он и совершенно недвусмысленно пояснял, что означает эта угроза. Русский писатель предлагал заменить локальные погромы евреев погромом всеобщим – массовым их изгнанием из России. Чтобы решить все проблемы российского гражданского общества сразу и навсегда, по кардинальному плану И. Наживина следовало признать евреев подданными Палестины (заметим, несуществующего тогда государства!) и выселить их туда немедленно.

Тогда же, осенью 1919 г., в Ростове-на-Дону вышла в свет книжка Наживина “Что же нам делать?”, проникнутая монархическим пафосом и своеобразной “тоской по городовому” – рухнувшему государственному порядку. Нельзя сказать, чтобы она представляла столь уж злобное юдофобское сочинение, некоторые ее фрагменты были основаны даже на сочувствии к евреям, однако по главному счету евреи в Рос-

сии, согласно Наживину, иностранцы, “чужеродцы”, и этот статус определяет соответствующее к ним отношение русского народа. <...>

В газете “Южное слово”, которую редактировал Д. Н. Овсяннико-Куликовский¹⁷ и которая выходила при ближайшем участии Бунина, книга “Что же нам делать?” нашла безусловную поддержку. <...>

В рядах же русско-еврейской интеллигенции сочинение Наживина встретило глухое неприятие. И поскольку Бунин вступился за автора, в него также полетели критические стрелы»¹⁸.

За всю долгую и отнюдь не бесконфликтную жизнь Бунина, пожалуй, это был единственный случай, когда он оказался вовлеченным в ожесточенную полемику на еврейскую тему. Защищая, как ему представлялось тогда, лишь право «русского писателя в его же собственном доме» свободно высказываться на злобу дня, Бунин, по-видимому, действовал излишне импульсивно, в результате чего попал в довольно-таки щекотливое положение. Вера Николаевна Муромцева-Бунина записала в дневнике:

23 ноября / 6 декабря 1919 г.:

«У Яна за эти дни началась полемика с Мирским¹⁹ и Павлом Юшкевичем²⁰ за то, что он заступился за Наживина. Но Ян отвечал им зло и остроумно»²¹.

Дошло до того, что заступаться третьим лицам пришлось уже за Бунина. Это сделал опять-таки еврей, автор «Одесского листка» Борис Вальбе²², который писал:

«Что же касается И. А. Бунина, то мне, как многим ценителям этого прекрасного художественного таланта, прямо больно видеть его в этой несвойственной для него роли. Бунин, конечно, не реакционер и не антисемит. Это для меня непреложная истина, ибо я знаю его хорошо как художника. Просто крупный художник попал в неприятное положение, взялся не за свое дело и делает ошибку за ошибкой»²³.

Разгоревшуюся было полемику стороны разумно замяли, но память об этом инциденте сохранилась, во многом благодаря неопубликованному открытому письму писателя Андрея Соболя²⁴, которое уже в наше время раскопали и подробно прокомментировали историки литературы²⁵.

Кстати, именно со второго Одесского периода в дневниках Буниных часто начинает встречаться слово «еврей», ранее упоминавшееся только в записях Ивана Бунина, касавшихся еврейских погромов в городе во время Первой русской революции 1905 г.²⁶

Дневниковые записи В. Н. Муромцевой-Буниной²⁷.

31 авг./13 сент. 1918:

«Мы провожали всех до Люстдорфа. Дорогой был принципиальный спор о евреях».

24 авг./6 сект. 1919:

«Был присяжный поверенный, офицер, потерявший ногу. <...> Он просидел 4 дня в харьковск<ой> чрезвычайке. Очень накален против евреев. Рассказывал, как при нем снимали допросы, после чего расстреливали в комнате рядом «сухими выстрелами». Раз <...> с ним сидел молоденький студент, только что кончивший гимназию, и горько плакал. Его вызвали на допрос в соседнюю комнату, обратно принесли с отрезанным ухом, языком, с вырезанными погонами на плечах – и все только за то, что его брат доброволец. Как осуждать, если брат его до конца дней своих не будет выносить слова “еврей”. Конечно, это дурно, но понятно. <...> Мне очень жаль Кипенов, Розенталь и им подобных²⁸. Тяжело им будет, какую обильную жатву пожнут теперь юдофобы. Враги евреев – полуграмотные мальчишки <...>, которые за последние годы приобрели наглость и деньги, вместо самых элементарных знаний и правил общежития».

12/25 апреля 1919:

«Шли по улице, как всегда чувствовали омерзение, и вдруг чудное пение. Что это?

– Это Синагога, – сказал Ян, – зайдем.

Мы вошли. Мне очень понравилось пение. Масса огня, но народу мало. <...> Я ощутила религиозный трепет. Лучшее, что создало человечество, – это религия».

5/18 сентября. 1919:

«Заходил Кипен. <...> Говорили, конечно, о евреях. Он

не понимает, в чем дело. Ему все кажется, что ненависть к евреям у класса, у власти, тогда как она у <...> народа, вернее у простонародья, которое рассуждает так: революцией кто занимался главным образом? – евреи. Спекуляцией кто? – евреи. Значит, все зло от евреев. И попробуй разубедить их. Я же уверена, что уничтожь еврейский вопрос – и большая часть еврейства отхлынет от революции. А этого большинство не понимает или не хочет понять».

Из дневниковых записей Ивана Бунина в книге «Окаянные дни»:

«Недавно встретил на улице проф. Щепкина²⁹, “комиссара народного просвещения”. Двигается медленно, с идиотической тупостью глядя вперед. На плечах насквозь пропыленная тальма с громадным сальным пятном на спине. Шляпа тоже такая, что смотреть тошно. Грязнейший бумажный воротничок, подпирающий сзади целый вулкан, гнойный фурункул, и толстый старый галстук, выкрашенный *красной масляной краской*. Рассказывают, что <комиссар – М. У.> Фельдман³⁰ говорил речь каким-то крестьянским “депутатам”: – Товарищи, скоро во всём свете будет власть советов! И вдруг голос из толпы депутатов: – Сего не буде! Фельдман яростно: – Это почему? – Жидив не хвате! <Приписка Бунина>: “Ничего, не беспокойтесь: хватит Щепкиных (одесский комиссар народного просвещения из русских)”³¹.

2 мая. Еврейский погром на Большом Фонтане, учиненный одесскими красноармейцами. Были Овсяннико-Куликовский и писатель Кипен. Рассказывали подробности. На Б. Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 простых евреев. Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кроватей и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, – шла настоящая охота. Кипен спасся случайно, – ночевал, по счастью, не дома, а в санатории “Белый цветок”. На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев³². – “Есть тут жида?” – спрашивают у сторожа. – “Нет, нету”. – “Побожись!” – Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше.

Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек»³³.

В обстановке хаоса и надвигающейся катастрофы трудно было ориентироваться в ситуации и здраво мыслить даже людям уравновешенным, не склонным к крайностям видения. Бунин, по природе человек резкий, вспыльчивый, тем не менее, как видно из вышеприведенных записей, не склонен был поддаваться магии «коллективного бессознательного», делать из еврейства козла отпущения. В ноябре 1919 г. Бунин писал, отвечая на нападки социалистической печати Одессы: «Я не правый и не левый, я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исхо-

дило»³⁴.

В контексте этой искренней, глубоко личностной декларации уже можно утверждать, что и в «окаянные годы» не было у Бунина к евреям ни ненависти, ни озлобления.

В эмиграции, где градус антисемитизма в русской диаспоре подчас зашкаливал³⁵, Бунин однозначно дистанцировался от разного рода юдофобских дискурсов и акций, зачинаемых правыми монархистами³⁶. Более того, известны случаи прекращения Буниных личных отношений с людьми, открыто демонстрирующими подобные настроения – например, инцидент с художником Н. Д. Милиотти³⁷, позволившим себе в письме юдофобские выпады против Я. М. Цвибака (А. Седых³⁸)³⁹.

Во время Второй мировой войны белоэмигрантское сообщество четко раскололось по линии анти и пронацистских симпатий. Здесь свой выбор, в том числе и в вопросе по отношению к евреям, так или иначе, приходилось делать каждому. Бунин его для себя сделал вполне однозначно, о чем свидетельствуют выдержки из его дневников, писем, а так же воспоминания современников. Вот, например дневниковая запись Якова Полонского⁴⁰, еврея, в годы немецкой оккупации чудом избежавшего депортации, а после войны неприимимого обличителя коллаборантов в «русском Париже»:

«Разговор между Неклюдовой (женой бывшего дипломата

и автора книги “Сем<ейные> портреты”⁴¹) и Зуровым⁴²:

– Что же это вы с жидами, как Бунины?

Я не знал, что это значит быть с жидами.

– Скажите, а вы, значит, с социалистами? И давно, как вы стали социалисткой?

– Господь с вами, какая же я социалистка?

– Да ведь вы с Гитлером, а он национал-социалист.

– Ну, это только так – мы просто за немцев, а не за социалистов»⁴³.

Марк Алданов⁴⁴ в своем послевоенном ответном письме к Георгию Иванову⁴⁵, которого обвиняли в сотрудничестве с нацистами, – как впоследствии выяснилось необоснованно, писал:

«Вам отлично известно, что я Вас (как и никого другого) ни в чем не “изобличал” и не обвинял. Наши прежние дружественные отношения стали невозможны по причинам от меня не зависящим. Насколько мне известно, никто Вас не обвинял в том, что Вы “служили” у немцев, “доносили” им или печатались в их изданиях. <...> Но Вы сами пишете: “Конечно, смешно было бы отрицать, что я в свое время не разделял некоторых надежд, затем разочарований, тех, что не только в эмиграции, но еще больше в России, разделяли многие, очень многие”. Как же между Вами и мной могли бы

остаться или возобновиться прежние дружественные отношения? У Вас немцы замучили “только” некоторых друзей. У меня они замучили ближайших родных. Отлично знаю, что Ваши надежды, а потом разочарования разделяли очень многие. Могу только сказать, что у меня не осталось добрых отношений с теми из этих многих, с кем такие отношения у меня были. Я остался (еще больше, чем прежде) в дружбе с Буниным, с Адамовичем⁴⁶ (называю только их), так как у них никогда не было и следов этих надежд. Не думаю, следовательно, чтобы Вы имели право на меня пенять»⁴⁷.

Известно, что эмигрантские организации США, занимавшиеся оказанием различного вида материальной помощи своим русским собратям в послевоенной Франции, строго придерживалось принципа не предоставлять ее лицам, сотрудничавшим с нацистами. Как следует из переписки того же Алданова с Адамовичем⁴⁸ у руководства этих организаций Бунин имел имидж человека с абсолютно незапятнанной репутацией, а в спорных случаях бунинский положительный отзыв о том или ином литераторе-эмигранте служил ему «охранной грамотой» от обвинений в коллаборационизме.

Переходя к конкретному рассмотрению дружеских контактов Бунина, сразу же отметим очевидный факт: судя по дневникам⁴⁹ и переписке⁵⁰, в России у Бунина, в его близком дружеском кругу – весьма узком по сравнению с его эми-

грантским периодом жизни, евреев не наблюдается. То обстоятельство, что рано ушедшая из жизни мать его первой жены Анны Цакни⁵¹ была еврейкой⁵², ничего здесь не меняет. Кроме того, до революции Бунин в силу избранной им манеры поведения не отличался особой общительностью в сравнении с его близкими знакомыми – Горьким, Брюсовым, Куприным, Леонидом Андреевым или же Шаялиным. К тому же в России, после того как он покинул отчий дом, у него никогда не было своего постоянного жилья. «Как ушел из родного дома девятнадцати лет, так и мыкал “гостем” всю жизнь: то в Орле, то в Харькове у брата Юлия, то в Полтаве среди толстовцев, то в Москве и Петербурге – по гостиницам, то близ Чехова в Ялте, то у брата Евгения в Васильевском, то у писателя Федорова⁵³ в Одессе, то на Капри с Горьким, то в длительных, месяцами продолжавшихся путешествиях по белу свету (особенно влекомый к истокам древних цивилизаций или даже на мифическую прародину человечества)»⁵⁴.

Живя в России, Бунин, вне всякого сомнения, общался с евреями: и в своих странствиях по Малороссии, и в полуседлой жизни, особенно в Одессе – третьей «культурной столице» Империи. По другому и быть не могло! В силу своей многочисленности – в Одессе, например, евреи составляли 32 % населения! – и активности в самых разных областях повседневной жизни: «Постоянно Что-то делает, Что-

то предпринимает...»⁵⁵ – евреи всегда оказывались, что называется «на виду». Касалось это всех слоев общества, в том числе и пишущей братии. С конца XIX в. ассимилированные евреи массово хлынули русскую журналистику и издательское дело – области, которые не были ограничены для их деятельности антисемитскими правительственными указами. Например, ведущим сотрудником крупнейшей газеты юго-запада России «Одесские новости» был Владимир (Зеев) Жаботинский⁵⁶, который в своих литературно-критических статьях всегда высоко оценивал творчество Бунина. Немалое число литераторов еврейского происхождения состояло членами в «Литературно-художественном клубе», который посещал Бунин⁵⁷. Об этой писательской организации с большой теплотой и любовью в конце 1940-х гг. вспоминал⁵⁸ знакомый Бунина поэт Александр Биск⁵⁹. Заметной фигурой в клубе был Семен Юшкевич⁶⁰ – известный в те годы писатель из круга литераторов, группировавшихся вокруг издательства «Знание»⁶¹, к числу которых принадлежал так же и Бунин. В. Н. Муромцева-Бунина писала: «В Одессе у Ивана Алексеевича много приятелей, среди них Юшкевич»⁶².

Бахрах приводит в своей книге, такой вот, например, эпизод из практики общения двух этих писателей, который весьма характерен для Бунина, имевшего манеру язвительно подтрунивать над знакомыми ему людьми:

«— Отличный человек был покойный Юшкевич — прекрасный семьянин и верный друг. Но я очень любил дразнить его. Помню, встречаю его однажды в Светлое Воскресение. — Семен, у тебя сегодня плохой день... — А что такое? — Христос воскрес! Он огрызался...»⁶³

После кончины Юшкевича Бунин писал в его некрологе:

«Нынче опускают в могилу Семена Соломоновича Юшкевича, — навсегда уходит из нашего мира человек большого таланта и сердца, которого я знал чуть не тридцать лет, с которым мы почти в одно время начали, а потом рука об руку — и так дружески за последние годы — делили наш писательский путь»⁶⁴.

25 марта 1928 года, Бунин вместе с Борисом Зайцевым⁶⁵, Жаботинским и Осоргиным⁶⁶ выступал на большом вечере памяти Семена Юшкевича, устроенном парижским Союзом писателей и журналистов в зале отеля «Мажестик»; председательствовал П. Н. Милюков. Юшкевич является, пожалуй, единственным в своем роде писателем «серебряного века» из числа популярных авторов издательства «Знание», о котором он на закате жизни не отзывался критически уничижительно.

Из одесских евреев-литераторов Бунин поддерживал тесные отношения с земским врачом Давидом Лазаревичем Шпитальниковым, «выступавшим в печати под псевдонимом «Тальников»⁶⁷ (треть сохранившихся писем Бунина к Тальникову была опубликована

А. Бабореко: Русская литература. 1974. № 1. С. 170–179). Тальников, критические работы которого характеризуются марксистской методологией и порой довольно прямолинейным социологическим подходом к литературе, посвятил творчеству Бунина, начиная с 1910 г., ряд статей апологетического характера:

«Мне хочется поговорить о замечательной книге, вышедшей в свет на этих днях <“Суходол”>, – книге писателя очень серьезного и очень большого, сейчас в нашей литературе самого большого по силе изобразительного таланта, самого замечательного, которого, очевидно, по всем этим причинам очень мало знают, мало читают, о котором мало говорят. Назовите мне десяток своих знакомых, кто хорошо – не шапочным знакомством только, не по имени и не по случайно прочитанной в толстом журнале статье о нем, – знал бы Ивана Бунина, чеканные, простые и прекрасные стихи его, которые навсегда останутся в нашей литературе – после того как умрут и покроются забвением все прославленные поэты наших дней, – превосходную и оригинальную прозу его, которая займет одно из самых видных мест в истории

русской словесности послечеховского периода» (*Тальников <Шпитальников> Д. Л. Об И. А. Бунине // Одесские новости. 1913. № 8922. 15 января. С. 3).*

Как видно из писем Бунина, писатель не только всячески способствовал переходу Тальникова из одесских газет в толстые столичные журналы, но и заметно влиял на характер и содержание его критических статей»⁶⁸

В книге А. К. Бабореко «Бунин. Жизнеописание» подробно расписаны все важные контакты Бунина в разных городах России. Среди лиц, с которыми Бунин близко и постоянно общался до Революции, евреи, действительно, не просматриваются. Исключение составляют «деловики» – главный редактор газеты «Одесские новости» И. Хейфец, издатель альманаха «Шиповник» С. Копельман и З. Гржебин, владелец книгоиздательства «Просвещение» Н. С. Цетлин, литературные критики А. Б. Дерман, П. С. Коган⁶⁹ и др. Очень теплые отношения долгие годы связывали Бунина со знаменитым литературным критиком «серебряного века» Юрием Айхенвальдом⁷⁰. Его трагическую смерть⁷¹, судя по записи Галины Кузнецовой⁷² от 20 декабря 1928 года, Бунин переживал очень болезненно:

«Прочли в газетах о трагической смерти критика Айхенвальда. И<ван> А<лексеевич> расстроился так, как редко я видела. Весь как-то ослабел, лег, стал говорить: “Вот и по-

следний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни – он был таким. Я с ним знаком с 25 лет. Он написал мне когда-то первый... Ах, как страшна жизнь!»⁷³

В Одессе Бунин помимо «Литературно-художественного клуба» тесно общался с членами «Товарищества южнорусских художников»⁷⁴.

«С первых же месяцев знакомства с этой средой Иван Алексеевич выделил Владимира Павловича Куровского⁷⁵, редкого человека и по душевным восприятиям, и по особому пониманию жизни. Настоящего художника из него не вышло: рано женился, пошли дети, и ему пришлось взять место в городской управе. С 1899 года он стал хранителем Одесского музея <...>. Иван Алексеевич очень ценил Куровского и “несколько лет был просто влюблен в него”. После его самоубийства, во время Первой мировой войны, он посвятил ему свое стихотворение “Памяти друга” <...>.

Подружился он и с Петром Александровичем Нилусом⁷⁶, дружба длилась многие годы и перешла почти в братские отношения. Он, кроме душевных качеств, ценил в Нилусе его тонкий талант художника не только как поэта красок в живописи, но и как знатока природы, людей, особенно женщин, – и все уговаривал его начать писать художественную прозу. Ценил он в нем и музыкальность. Петр Александрович мог

насвистывать целые симфонии.

Сошелся и с Буковецким⁷⁷, ему нравился его ум, оригинальность суждений, меткость слов. <...>

Начал он бывать на обедах Буковецкого, который, будучи состоятельным человеком, устраивал пиршества, но приглашал только мужчин. Обеды были еженедельно, по четвергам. На них бывало весело, шумно, непринужденно; стол у Буковецкого отличался тонкостью и своеобразием, – рыба подавалась до супа. Буковецкий, изысканный человек, умный, с большим вкусом, старался быть во всем изящным. Он писал портреты. Одна его вещь была приобретена Третьяковской галереей.<...>

С остальными <художниками Бунин> вошел в приятельские отношения, со всеми был на “ты”, некоторых любил...»⁷⁸.

И в Одессе, и в Москве, и в Петербурге, и в Киеве... имелись, без сомнения, у Бунина знакомые из числа представителей ассимилированной еврейской интеллигенции. Так, например, Александр Бахрах – выходец из такого рода семьи, пишет, что «Бунины были хорошо знакомы со старшим поколением моего семейства и его дружеское ко мне отношение я получил, так сказать, “по наследству”»⁷⁹, – но в общем и целом в российский период жизни Ивана Бунина ни о каких его «еврейских друзьях», помимо вышеупомянутого Се-

мена Юшкевича, говорить не приходится.

То же самое можно сказать и о «еврейской ноте» в творчестве Бунина. В отличие от близких ему в литературе современников – Л. Толстого, Чехова, М. Горького, Л. Андреева, Куприна, Чирикова, Юшкевича и др., он, пожалуй, единственный писатель «земли русской», который не заметил на ней «еврея». И это при том, что фигура еврея, как правило, отталкивающая или комическая в русской литературе XIX в. – неременная и «необходимая принадлежность социального пейзажа»⁸⁰, знаковая деталь. Даже Лев Толстой, бывший для Бунина в морально-этическом и художественном отношении непререкаемым авторитетом, который «... словно умышленно отворачивается всякий раз, когда встречается с евреем, <...> погрешил бы против правды, если бы опустил эту необходимую деталь»⁸¹.

Бунин же, при всей «зоркости» своего писательского зрения, чем он весьма гордился: «Я ведь чуть где побывал»⁸², нюхнул – сейчас дух страны, народа – почуял. Вот я взглянул на Бессарабию – вот и «Песня о гоце». Вот и там всё правильно, и слова, и тон, и лад»⁸³, – Бунин «еврея» просто напросто не видит. Он, например, «был влюблен в Малороссию, в ее реки, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни и душу его»⁸⁴, – однако же ни в каком качестве не причислял к нему евреев, хотя в тех краях они составляли добрую треть местного населения!

Возможно, такого рода демонстративная «невнимательность» подчеркивала принципиальную позицию писателя, быть вне политики⁸⁵, поскольку «еврейский вопрос» всегда стоял на российской повестке дня, а «еврей» (банкир, меценат, махинатор, революционер) был непременным участником громких общественно-политических акций того времени.

Здесь так же можно сказать, что контрапунктом бунинского творчества является отнюдь не этнос, а Эрос и Танатос, или дать отсылку к высказыванию все того же Льва Толстого:

«Я жалею о стеснениях, которым подвергаются евреи, считаю их не только несправедливыми и жестокими, но и безумными, но предмет этот не занимает меня исключительно... Есть много предметов, более волнующих меня, чем этот. И потому я бы не мог ничего написать об этом предмете такого, что бы тронуло людей»⁸⁶.

Но при всех подобного рода отговорках и объяснениях безразличие Бунина в своем творчестве к «еврею» и «еврейской теме» остается на сегодняшний день не проясненным в научной литературе вопросом.

Александр Солженицын, умело подгоняя документальный материал под свое видение исторической ретроспективы⁸⁷, запальчиво утверждает, что «евреи имели в Рос-

сии предреволюционных десятилетий мощнейшую заединую поддержку прогрессивного общества. Она, быть может, стала такой на фоне стеснений и погромов – но, тем не менее, ни в какой другой стране (может быть и за всю предшествующую мировую историю?) она не была столь полной. Наша широкодушная свободолюбивая интеллигенция поставила за пределы общества и человечности – не только антисемитизм – но даже: кто громко и отчётливо не поддерживал, и даже в первую очередь, борьбы за равноправие евреев – уже считался “бесчестным антисемитом”. Будкосовестливая, остро чуткая русская интеллигенция постаралась полностью внять и усвоить именно еврейское понимание приоритетов всей политической жизни: прогрессивно то, что протестует против угнетения евреев, и реакционно всё остальное. Русское общество не только со стойкостью защищало евреев по отношению к правительству, но запретило себе, каждому, проявить хоть наислабейшую тень какой-либо критики поведения и отдельного еврея: а вдруг при таком возмущении родится во мне антисемитизм?»⁸⁸

Усилиями русских писателей – авангарда «широкодушной свободолюбивой» интеллигенции, «еврейский вопрос» был поставлен как вопрос, в первую очередь, «русский»⁸⁹. Солженицын, претендующий на роль христианского мыслителя, странным образом игнорирует в своих рассуждениях очевидный факт – то, что евреи в своей борьбе за

гражданское равноправие, так или иначе, обращались к чувству справедливости и христианского милосердия русского «народа-богоносца». А поскольку русская литература с легкой руки Достоевского претендовала на «всечеловечность», именно писателями, т. е. лучшими людьми России, они были услышаны. Именно русские литераторы всех мастей и оттенков протянули евреям руку помощи, именно они являлись застрельщиками всех кампаний против антисемитских эксцессов в Российской империи. Принято считать, что подобная реакция лучших людей России была импульсивно-бескорыстной, проявлением все того же широкодушия – одного из главных качеств, приписываемых русскому национальному характеру⁹⁰.

В этом контексте резким диссонансом звучат слова современника событий тех лет, яркого русско-еврейского публициста, идеолога и основателя ревизионистского течения в сионизме Владимира (Зеева) Жаботинского, утверждавшего в начале XX в., что русские писатели из либерально-демократического лагеря беззастенчиво «использовали евреев в своей политической, общественной, культурной борьбе с консерваторами. В этом (а вовсе не во внезапном порыве человеколюбия) заключается главная причина “юдофильства”, обуявшего <их> после первых погромов. Поначалу им выгодно было ассоциировать враждебное царское правительство и консерваторов именно с погромами, именно с чертой оседлости и с еврейским бесправием, как с самым вопи-

ющим явлением российской действительности (в особенности, что немаловажно, с точки зрения западных идейных союзников)»⁹¹.

В некоторых отношениях мнение В. Жаботинского, как видно из нижеприводимого текста, разделял, например, писатель Михаил Осоргин – человек, по жизни напрямую, причем уникальным для того времени образом, соприкоснувшийся с еврейством⁹². В своей статье «Был ли Толстой антисемитом?» (1929 г.), опубликованной в сионистской русскоязычной газете «Рассвете» и написанной, возможно, по просьбе его друга В. Жаботинского в форме ответа на ранее напечатанный в ней материал, обвинявший Л. Толстого в антисемитизме, Осоргин с присущей ему честностью и трезвостью суждений сформулировал взгляд либерально мыслящего русского человека на тему русско-еврейских отношений:

«Для меня представляется несомненным, что Толстой не мог быть антисемитом в обычном значении этого слова: это противоречило бы его душевному складу и его идеям. Не сомневаюсь и в том, что погромы, а особенно те, в которых было явно прямое или косвенное участие властей, были ему отвратительны и его возмущали. Но вряд ли он мог быть и “филосемитом”, т. е. человеком, особенно остро скорбевшим о печальном положении евреев в России. Толстой не любил лицемерия, а филосемитизм русской интеллигенции

был почти столь же театрален, как и “любовь к мужику”. Он всегда был подсахаренным, потому что евреи не были равноправными, значит, и относиться к ним спокойно и критически было невозможно; порядочный человек был обязан им сострадать, а любовь по чувству долга – не настоящая любовь. <...> Допускаю и то, что евреи как нация не были ему привлекательны. Это не антисемитизм, не преступное отношение к угнетенной нации, а просто реальное отношение, основанное на чувстве взаимного притяжения и отталкивания. Вам ближе еврей, мне ближе русский... <...> Есть чувства, с которыми не справишься, – да вряд ли и браться следует. <...> Участвовать в театральных выступлениях “филосемитов” по чувству долга Л. Толстой не мог. Я ведь лично не верю в искренность филосемитизма тех многих, которые пишут и говорят вам, евреям, пламенные слова, и вам верить не советую. Гораздо дороже должно быть простое признание: “Свои мне, конечно, гораздо ближе, и за своих я буду ратовать горячее, но я человек и по человечеству принимаю к сердцу и ваши национальные страдания; за своих я положу душу, вам же предлагаю, например, мое честное перо”. <...> Я понимаю и ценю, что для вас, как евреев, нет ничего важнее и трепетнее еврейского вопроса. Но в картине мира и общечеловеческого бытия судьба еврейства – лишь страничка обычного размера. Невозможно требовать от всех такого страстного отношения к этому вопросу, какое естественно для вас, – а особенно после того, как евреи в России уравне-

ны со всеми гражданами, если не в правах, то в бесправии».

Подробное обсуждение изложенных концепций выходит за рамки данной книги. Они озвучены лишь для высвечивания места «еврейского вопроса» в духовной жизни «серебряного века». Отметим, однако, что Иван Бунин, демонстративно избегавший, как уже отмечалось, общественно-политической активности, тем не менее, участвовал в акциях русских писателей, направленных на борьбу с антисемитизмом. Его имя стоит и в сборнике «Щит», и в юбилейном выпуске еженедельника «Еврейская жизнь» (№ 1415 от 03 апреля 1916 г.), посвященном 25-летию творческой деятельности Хаима Нахмана Бялика – крупнейшего еврейскому поэта первой половины XX в., классика современной еврейской литературы на иврите⁹³.

«Когда во время первой мировой войны в России против евреев были предприняты репрессивные меры, в том числе закрытие 5 июня 1915 года всех повременных изданий на обоих еврейских языках, запрет на пользование этими языками даже в личной переписке (большинство еврейских писателей покинуло тогда страну, а оставшихся обрекли на безмолвие), арест 8 мая 1915 года петроградского русскоязычного “Рассвета”, в Москве начал выходить еженедельник “Еврейская жизнь” <...>.

...Перед лицом бедствий еврейских беженцев и еврейской культуры русские либеральные литераторы и общественные деятели создали Общество изучения еврейской жизни⁹⁴, у истоков которого стояли М. Горький, Ф. Сологуб, Л. Андреев. Это Общество трижды (в 1915 и в 1916 годах) выпустило литературный сборник “Щит”, в котором наряду с русскими интеллигентами предложено было участвовать и Бялику. То был единственный случай, когда Бялик согласился выступить в нееврейском органе, однако цензура запретила его статью. Тогда во второе, расширенное издание были включены переводы из Бялика, выполненные В. Брюсовым, Вяч. Ивановым и Ф. Сологубом <...> для юбилейного номера <...> “Еврейской жизни” <...>, посвящённого двадцатипятилетию литературной деятельности <...> Х. Н. Бялика.<...>

И. А. Бунина <тоже> пригласили участвовать в юбилейном номере газеты. Бунин отказался переводить стихи Бялика, мотивируя свой отказ невозможностью переводить, не зная языка, о чём уведомил редактора письмом: “При всём моём искреннем желании исполнить Вашу просьбу и почтить Бялика, коего я считаю настоящим поэтом, что так чрезвычайно редко, ничего не могу написать о нём, ибо всё-таки знаю его только по переводам Жаботинского. Окажите любезность, сообщите, когда именно его юбилей и куда направить приветственную депешу”»⁹⁵.

В конечном итоге Бунин не только прислал поздравление,

но и приложил к нему специально написанное им к этому юбилею стихотворение, рукописный оригинал которого он просил передать Бялику.

Да исполнятся сроки
Бялику Х. Н.

– Почто, о Боже, столько лет
Ты мучишь нас в пустыне знойной?
Где правый путь? Где отчий след
К стране родимой и спокойной?

– Мужайтесь, верные! Вперед!
Я дал вам горький лист оливы,
Но слаще будет он, чем мед
От тех, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути:
Потребна скорбь, потребно время,
Чтобы могло произрасти
На ниву брошенное семя.

Это стихотворение настолько соответствовало по духу лирическому пафосу поэзии Х. Н. Бялика, что впоследствии его ошибочно принимали не за оригинальный бунинский текст, а перевод. По этой причине в первом советском собрании сочинений Бунина оно опубликовано в разделе переводов: «Из еврейской поэзии. Х. Н. Бялик»⁹⁶.

В ноябре 1911 г. увидело свет воззвание «К русскому обществу»⁹⁷, составленное В. Короленко (первоначальный проект М. Арцыбашева, К. Арабажина, Е. Чирикова⁹⁸) в связи с «делом М. Бейлиса», под которым стояли подписи практически всех более или менее известных русских писателей⁹⁹. Фамилии Бунина среди них нет, скорее всего, потому, что с конца октября 1911 г. и по март 1912 г. Бунины находились в Италии, на Капри.

Напомним, что «Дело Бейлиса – сфабрикованный под воздействием черносотенцев процесс против еврея Менделя Бейлиса (1874–1934), приказчика кирпичного завода в Киеве, обвинявшегося в совершении в 1911 г. ритуального убийства православного мальчика Андрея Ющинского. Сам “кровавый навет”¹⁰⁰, предвзятое направление расследования дела, активное вмешательство либеральной прессы, предлагавшей свои версии случившегося, и судебный процесс, закончившийся 28 октября 1913 г. оправдательным приговором обвиняемого, больше двух лет приковывали к себе внимание российской и мировой общественности. <В анкетном опросе> по поводу оправдания Бейлиса, который московская газета “Русское слово” проводила в нескольких номерах, начиная с 29 октября 1913 г., из писателей, кроме Бунина, на страницах газеты высказались Д. Мережковский, А. Куприн, В. Вересаев, И. Потапенко, А. Волынский¹⁰¹, М. Горький, А. Амфитеатров¹⁰² и др.»¹⁰³, – а также ведущие за-

падноевропейские писатели.

По возвращению в Россию Бунин в несвойственном для него резко-обличительном по отношению к российской власти тоне заявил следующее:

«Не стал бы я говорить о деле Бейлиса, потому что двух мнений о нем в той среде, к которой я принадлежу, не может быть. Но говорить надо. Было бы весьма полезно, чтобы возможно большее число людей высказалось об этом деле <... >. Полагаю, что, к сожалению, возникновение этого средневекового дела возможно было только в России, но все же не русский народ затеял его. Говорю так потому, что, насколько это в моих силах, знаю русский и южнорусский народ, знаю и еврейский, и те взгляды русского народа на еврейский, которые – каковы бы они ни были – все же исключают реальную возможность обвинения в изуверстве. Всем известно, что не с добрым умыслом было затеяно это нелепое обвинение. <... > Можно, в конце концов, очень радоваться исходу этого дела, ибо конкретное обвинение, обвинение живого лица, все же пало и остались одни темные намеки. А ведь известно, как важен для воздействия на сердце человеческое живой образ, представление о живом лице»¹⁰⁴.

В другом протестном воззвании к русскому обществу – от 1 марта 1915 г., составленном в связи с дискриминационными мерами по отношению к еврейскому населению

прифронтовой полосы, инициаторами которого были Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб¹⁰⁵, подпись Бунина имеется. Что же касается сборника «Щит», явившегося знаковым примером коллективного выступления русских писателей против антисемитизма как традиционного кода национального самосознания и культуры великороссов, то в нем Бунин свою позицию в этом вопросе никак не манифестировал. В отличие от Леонида Андреева, Горького, Мережковского, Вячеслава Иванова, заявлявших себя яркими концептуальными статьями, или же Арцыбашева, Гусева-Оренбургского¹⁰⁶, Алексея Толстого и Короленко, представивших «тематические» рассказы, Бунин ограничился подборкой стихотворений на библейские темы. Ничего декларативно юдофильского в них нет. Стихи на библейские темы – явление повсеместно распространенное в русской поэзии, в том числе и «серебряного» века. Если все же рассматривать эти стихи с точки зрения концепта составления сборника, то они звучат так сказать в «розановском» ключе, как художественно-метафорическое напоминание о том, что все мы вышли из лона Авраамова.

Итак, отметим еще раз тематически важный факт в биографии Бунина: среди лиц, составлявших до революции в России его «узкий» дружеский круг, евреев явно не было. Лишь в «окаянные годы» Бунин по-настоящему тесно сошелся с евреями, чему, без сомнения, в первую очередь способствовали бытовые обстоятельства. В конце 1917 г. Буни-

ны, гонимые всеразрушающим вихрем Революции, перебрались на жительство в любимую писателем Одессу, где «...в годы гражданской войны, как ни парадоксально, бурно расцветает культурная жизнь <...>. Появляются бежавшие на юг от обысков, реквизиций и голода московские, петербургские, киевские журналисты и писатели. Количество газет и журналов, выходящих в Одессе, резко возрастает. Это связано как с появлением столичных гостей и активной деятельностью одесских журналистов, так и с частой сменой властей и непродолжительностью существования по чисто финансовым причинам многих изданий»¹⁰⁷.

В тот короткий исторический период многонациональной по своей исконной природе Одессе выпало на долю сыграть в доселе «неслыханной роли первой (до Парижа и до Берлина) столицы русской диаспоры – объясняется хроникальный характер данной главы. Одесса столкнула всех со всеми, перемешала города, акценты и стили, эпохи и поколения, и что важнее всего – смешала иерархии, здесь всё сравнивалось со всем, всё подвергалось переоценке. Это был тот котёл, в котором выплавлялась новая русская литература, театр и кино. Здесь укрупнялся человеческий масштаб: после Одессы Бунин становится великим писателем; Толстой¹⁰⁸ подготовил здесь свой первый крупный роман; <...> В Одессе происходит первое слушание и канонизация революционных стихов Волошина. После революционного “карнавала” в Одессе – этой лучшей литературной академии – заявляют о себе все-

рьез молодые писатели Южнорусской школы»¹⁰⁹.

В 1919–1920 гг. Бунин совместно с академиком Н. П. Кондаковым¹¹⁰ редактировал газету «Южное слово», где в частности работали такие журналисты, как М. И. Ганфман, М. С. Мильруд, Б. С. Оречкин¹¹¹. Именно эти евреи-интеллектуалы впоследствии создали знаменитую рижскую газету «Сегодня», в которой Бунин был одним из наиболее привлекаемых и ценимых авторов¹¹².

Впоследствии, уже в эмиграции, именно на основе «одесской диаспоры», в первую очередь салонов Цетлиных и Фондаминских, формировался широкий бунинский круг общения. По окраске был он «розовый», т. к. состоял по преимуществу из эсеров, а по этническому составу в значительной степени еврейский – семейства М. С.¹¹³ и М. О.¹¹⁴ Цетлиных, Алдановых, А. П. Шполянских (Дон-Аминадо¹¹⁵), И. И. Бунакова-Фондаминского¹¹⁶, Я. Б. Полонского, молодые литераторы Андрей Седых («Яшенька Цвибак») и А. В. Бахрах. Новые друзья являлись горячими поклонниками таланта писателя, имевшего, как и все его собратья из издательской группы товарищества «Знание», репутацию человека с либерально-демократическими взглядами. Бунин же, по всей видимости, эти люди привлекали не только в силу своих интеллектуальных качеств, но и вследствие присущего им житейского практицизма. По отношению к нему они неизменно выказывали готовность откликнуться

на просьбу о помощи, а то и самим предложить ее. Благодаря дружеской опеке и финансовой поддержке со стороны Цетлиных, например, Бунины сумели благополучно покинуть захваченную большевиками Одессу и добраться до Парижа. Необходимые документы для них исхлопотал Илья Бунаков-Фондаминский, имевший хорошие связи с французским представительством в Одессе.

Итак, начиная с 1918 г. Бунин в быту оказывается окруженным евреями – опекунами, меценатами, друзьями и помощниками. Это обстоятельство, уже само по себе представляющееся интересным – как все необычное, выходящее из ряда вон в биографиях выдающихся личностей, особенно бросается в глаза на фоне полного отсутствия, как уже отмечалось, в произведениях Бунина еврейских тем, персонажей и даже имен (за исключением библейских). Здесь налицо парадокс. Бунин – писатель, игнорирующий еврейскую тему в своем творчестве, декларативно дистанцирующийся от общественно-политической активности, тем не менее, как никто другой, для самых разных кругов еврейской интеллигенции – особо чтимая персона, по отношению к которой с их стороны неизменно выказывается симпатия и поддержка. Об этом, например, свидетельствует выдержка из письма журналиста Ильи Троцкого¹¹⁷, в те годы секретаря нью-йоркского Литфонда, Вере Николаевне Муромцевой-Буниной от 8 ноября 1953 года. Письмо это – соболезнование по поводу кончины И. А. Бунина, полностью публикуется в гл. V.

Евреи, как известно «обидчивы», другими словами, весьма чувствительны к любым формам проявления симпатии или антипатии со стороны не евреев в свой адрес. Причем не только в бытовых межличностных отношениях, но и в широком культурно-историческом контексте, подразумевающим как частные высказывания, так и декларируемую общественную позицию. Поэтому тема «Бунин и евреи» представляется автору настоящей книги важной не только как дополнительный биографический штрих на многоцветном полотне бунинианы, а в более широком плане – как значащая характеристика всего комплекса русско-еврейских литературных и общекультурных связей первой половины XX столетия.

Бунин *всегда*, во всех жизненных обстоятельствах являлся представителем «устойчивых природно-социальных черт мироощущения и поведения» своего народа, или, говоря по-просту, был человеком в первую очередь «русским».

«Понятие “народ” в России всегда (по крайней мере издавна) имело сакральный, точнее, мистифицированный характер. И русская литература сыграла в этом, как известно, громадную, с очевидностью – определяющую роль. Ни в одной из литератур мира благородная гуманистическая идея сочувствия низшим, беднейшим слоям общества, занимающимся тяжелым физическим трудом (народу), не доводилась до такой степени экзальтации и абсурда, и нигде эта категория населения (крестьянство, а затем пролетариат) не награждалась высшими человеческими добродетелями, не

превращалась в миф и в фетиш, как это случилось в России к началу XX века. Свое законченное воплощение идея народолюбия получила у крупнейших писателей, “властителей дум”, оказывавших, в силу известной российской специфики, беспримерное влияние на массовое сознание, – у Ф. Достоевского (“русский народ-богоносец”, “серые зипуны”, знающие “настоящую правду”), у Л. Толстого (предпочтение крестьянского мальчика Федьки – Гете, легшее в основу “опрошенческой” идеологии толстовства), у не уступавшего им по популярности Н. Некрасова (“Назови мне такую обитель... где бы русский мужик не стонал?”), у менее популярного, но более значимого для интеллигенции Ф. Тютчева (“Эти бедные селенья”, “Умом Россию не понять”)...

<...>

Бунин был, пожалуй, единственным русским писателем начала XX века, настроенным резко и последовательно “антинароднически”. В повести “Деревня” и других произведениях 1910-х годов его занимала, по собственным словам, “душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина”.

<...>

Свободный и зоркий художник, “барин”, лишенный комплекса “вины” перед народом, <он, как никто другой из русских писателей серебряного века – М. У.> предупреждал об опасности, исходящей из “святая святых”, из крепости, которая казалась неприступной, – из глубин “смирненного” и

“христолюбивого” народа, нареченного Достоевским “богоносцем”. <Его> “Деревню” можно назвать также одной из вершин русской национальной самокритики – после Чаадаева и Щедрина не было в отечественной литературе столь беспощадного обличения свойств народного характера»¹¹⁸.

Последнее утверждение звучит слишком категорично. Не только Бунин, но, в первую очередь, Горький, а с ним вместе и все критические реалисты из литературно-издательского содружества «Знание» обвинялись, в частности Бурениным¹¹⁹, в «опачкивании народа». Обвинение это несправедливо. Бунин, например, в своей прозе народ отнюдь не марает, не изгиляется над ним, а лишь «заостряя отрицательные стороны народной психологии, <...> как бы говорит: “Таков наш народ. Не идеализируйте его, не заигрывайте с ним, не будите в нем то страшное, на что он способен!”»¹²⁰.

Вместе с тем, будучи твердо убежден, что «только один Господь ведает меру неизречённой красоты русской души», Бунин горой стоял «за русских» и по всем своим повадкам, как уже отмечалось, был человеком «сугубо расейским». Но в этом качестве (*sic!*) он *никогда* не выступал «против евреев», не страдал «юдобоязнью», как Андрей Белый¹²¹, и не нуждался в «исцелении от чудовищной язвы антисемитизма», как Константин Бальмонт,¹²² который вместе с тем писал, что «в эти проклятые беженские годы я, верно, давно

умер бы с голоду или отчаяния, если бы неоднократно именно еврей и еврей не пришли ко мне братски и не помогли. До смерти я буду благословлять такую способность еврейского сердца»¹²³.

Со своей стороны, еврейская общественность в лице своих ин-теллектуалов-подвижников и благотворителей, ценя гражданскую позицию Бунина, неизменно выказывала ему как писателю и частному лицу свою поддержку словом и делом.

Подтверждением данного тезиса и является представляемый вниманию читателя документальный материал.

Что же касается «идейного» импульса как предпосылки написания настоящей книги, то для его прояснения можно привести высказывание итальянского философа-герменевтика Эмилио Бетти (1890–1968):

«Нет ничего более притягательного, как следы исчезнувших людей... Везде, где мы находим чувственные формы, посредством которых дух одного обращен к духу другого, приходит в движение наша интерпретативная активность, ищущая смысл этих форм. Все – от вскользь брошенного слова до сухого документа, от Писания до цифры и художественного символа, от заявления до поступка, от выражения лица до стиля одежды и манеры двигаться – все, что исходит от духа другого Я, обращено к нашей чувственности и нашему разуму и взывает к нашему пониманию»¹²⁴.

Автор выражает признательность Михаилу Безродному (Гейдельберг), Стефано Гордзонио (Пиза), Екатерине Рога-чевской (Лондон) и Магнусу Юнггрену (Стокгольм), взяв-шими на себя труд прочесть рукопись и сделавшими ценные замечания, а также Владимиру Хазану (Иерусалим), Габри-элю Суперфину (Бремен), Олегу Коростелеву и Сергею Мо-розову (Москва) за профессиональные советы и помощь в изыскании документальных данных..

¹ *Мирошниченко Е.* Иван Бунин: «Прекраснее Мало-россии нет...»: URL: <http://primetour.ua/ru/company/articles/ivan-Bunin-PREKRASNEE-MALOROSSIIINET-.html>

² По свидетельству А. Седых, Бунин рассказывал, что в ранней молодости его «иногда принимали за молодого ев-рея». – *Седых А.* Далекие, близкие. – Нью-Йорк: Новое рус-ское слово, 1979. С. 192.

³ *Поляков Леон.* История антисемитизма: Эпоха зна-ний. – М.: Мосты культуры, 2008; World Future Fund: URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Religion/Antisemitism Russia.htm>; The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Russian Empire: URL: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/russia/russian_empire; Архив еврейской истории. Т. 1–5. – М.: РОССПЭЦ 2006.

⁴ *Wachtel A.B.* The Great Unread//American Scholar. 1994. Vol. 63. #1. P. 151. Цит. по: Рецензируемое издание. Сноска с высказыванием Даниэля Риникера на с. 404.

⁵ *Адамович Георгий Викторович.* Одиночество и свобода. – СПб: Алетейя, 2002, цитируется по: URL: <http://www.rulit.me/books/odinochestvo-i-svoboda-read-63805-14.html>

⁶ Письмо И. Ф. Наживина к И. А. Бунину от 08.06.1920 г. / И. А. Бунин: Новые материалы. Выпуск I. – М. Русский путь, 2004. С. 325.

⁷ Бахрах Александр Васильевич (1902–1985), литературный критик и мемуарист. Эмигрировал в 1920 г., с 1923 г. жил в Париже, в 1940–1944 гг. – под «бунинской кровлей» в Грассе, после войны – в Париже и Мюнхене.

⁸ П. А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. Б. В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов СПб РХГИ, 2001. С.186.

⁹ *Уральский М.* «Неизвестный Троцкий». Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. – Перусалим-Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2017. С. 237–373.

¹⁰ *Горький М.* Леонид Андреев: URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0690-1.shtml

¹¹ *Бензинов В. М.* Беседы с И. А. Буниным. Записи //Но-

вый журнал. – 1965. – Кн. 81. С. 271–275.

¹² **Зензинов** Владимир Михайлович (1880–1953), общественно-политический деятель, публицист. Один из лидеров партии социалистов-революционеров, входил в ее Центральный комитет. Несколько раз арестовывался, отбывал ссылку. Во время Гражданской войны член Всероссийского правительства. В 1918 г. был выслан в Китай. Через Японию и Америку перебрался в Европу. В 1919–1939 гг. жил в Париже, Берлине, Праге. Член Союза русских писателей и журналистов в Германии, Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, Российского общества Лиги Наций. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. В 1939 г. уехал в Нью-Йорк. Издавал журнал «За свободу», сотрудничал в «Новом журнале», «Социалистическом вестнике», «Возрождении», газете «Новое русское слово. Относился к числу хороших знакомых Бунина.

¹³ *Бахрах А.* Бунин в халате. По памяти, по записям. – Париж: La presse libre, 1980. С. 98–99.

¹⁴ *Бунин И. А.* Собр. сочинений: В 9 томах. Т. 9. – М.: Худ. Лит., 1967. С. 247.

¹⁵ Толстой Лев. – КЕЭ, том 8, кол. 989–993: URL: <http://www.eleven.co.il/article/14127>

¹⁶ **Наживин** Иван Федорович (1874–1940), бытописатель русской деревни, сподвижник Л. Н. Толстого, в эмиграции плодovitый исторический романист.

¹⁷ **Овсяннико-Куликовский** Дмитрий Николаевич (1853–1920), русский литературовед и лингвист. Почётный член Петербургской и Российской академии наук (1917).

¹⁸ *Хазан Б.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. – СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит», 2015. С. 345–348 и 745–747.

¹⁹ **Мирский Борис** (лит. псевд.), собств. Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892–1955), ученый-правовед, историк, публицист, масон. В 1920 г. эмигрировал, жил в Париже. Читал лекции на юридическом факультете Парижского университета, во Франко-русском институте, в Парижском институте журнализма, в Институте высших международных знаний при Парижском университете. В 1940 г. переехал в США.

²⁰ **Юшкевич** Павел Соломонович (1873–1945), русский философ социал-демократической ориентации, брат прозаика и драматурга С. Л. Юшкевича. После Революции работал в Институте Маркса и Энгельса, занимался в основном переводами.

²¹ Устами Буниных / Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. – Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982. Т. 1. С. 320.

²² **Вальбе** Борис Соломонович (1890–1966), одесский журналист, впоследствии советский литературовед и лите-

ратурный критик.

²³ *Хазан В.* Жизнь и творчество Андрея Соболя... С. 347–349.

²⁴ **Соболь** Андрей (собств. Израиль Моисеевич; 1888–1926), русский и еврейский писатель.

²⁵ Там же.

²⁶ *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь с Буниным. Беседы с памятью. – М.: Вагриус, 2007, цитируется по: URL: <http://www.rulit.te/books/zhizn-bunina-i-besedy-s-pamyatyu-read-194757-107.html> и -108.html

²⁷ Устами Буниных. Т. 1. Часть вторая «Одесса». С. 188, 240–241, 310–312 и 312–314.

²⁸ Речь идет о знакомых Бунина одесских литераторах еврейского происхождения: **Кип<п>ен Александр** Абрамович (1870–1938), русский писатель, ученый-агроном. Печатался главным образом в сборниках и журналах марксистского и народнического направления («Знание», «Земля», «Образование», «Современный мир», «Вестник Европы»), а также в русско-еврейских периодических изданиях («Еврейский мир» и другие); **Розенталь** Залмен Срулевич (1889–1959), еврейский писатель и поэт, журналист. В 1917–1919 гг. жил в Одессе, затем в Кишиневе.

²⁹ **Щепкин** Евгений Николаевич (1860–1920), русский историк, педагог и общественный деятель. В 1919 г. вступил в партию большевиков.

³⁰ **Фельдман**, Александр (?—1919), анархист, член Одесского Совета, его именем назывался Потемкинский бульвар и Потемкинская лестница в Одессе с 1919 по 1941 гг.

³¹ *Бунин И.* Окаянные дни: URL: http://royallib.com/read/bunin_ivan/okayannie_dni.html#211947.

³² Эти красноармейцы, по всей видимости, относились к солдатам 6-й Украинской советской дивизии атамана Н. А. Григорьева, представлявшей из себя по существу левоэсеровское бандформирование. В мае 1919 г. «григорьевцы» подняли восстание против большевиков и были ими уничтожены.

³³ *Бунин И.* Окаянные дни: URL: http://royallib.com/read/bunin_ivan/okayannie_dni.html#232427

³⁴ *Бакунцев А.* Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя: URL: http://www.rp-net.ш/book/articles/ezhegodnik/2011/03-Vakuntsev.php#_edn49;

³⁵ *Белов Вадим.* Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. — М.: Книга по требованию, 2012.

³⁶ *По л яков-Литовцев С.* Диспут об антисемитизме; Париж (Из воспоминаний журналиста) // Последние новости. — 1928. — 29.05. С. 2

³⁷ **Милютти** Николай Дмитриевич (1874—1962), русский художник-символист, один из основателей «Мира искусств»,

В эмиграции с 1920 г., жил во Франции.

³⁸ Седых Андрей (собств. Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994), русский литератор, деятель эмиграции, журналист, критик, один из признанных летописцев истории русского Рассеянья. В эмиграции с 1919 г. В 1921–1942 гг. жил во Франции, гл. образом в Париже, затем эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. С 1973 г. главный редактор газеты «Новое русское слово». В 1947 г. член правления Русского комитета «Объединенный еврейский призыв <к сбору пожертвований>» («United Jewish Appeal»), Председатель организации Американо-Европейских друзей ОРТ.

³⁹ Письма Н. Д. Милиотти к В. Н. Буниной (1927–1958). В кн. И. А. Бунин. Новые материалы. Выпуск II. – М. Русский путь, 2010. С. 401–402.

⁴⁰ **Полонский** Яков Борисович (1892–1951), доктор права, журналист, писатель, историк литературы, библиофил, общественный деятель. С конца 1930-х гг. один из близких друзей Бунина.

⁴¹ Имеются в виду *Неклюдов А. В.* Старые портреты: семейная летопись, в 2-х томах с предисловием И. А. Бунина. – Париж, 1933..

⁴² **Зуров** Леонид Федорович (1902–1971), русский писатель, археолог, искусствовед. В эмиграции жил в Эстонии и Чехословакии, а с ноября 1929 года вместе с Буниными в Грассе и Париже. Наследник архива *И. А. и В. Н. Буниных*,

хранящегося в настоящее время в Русском архиве Лидского университета (РАЛ/LRA).

⁴³ Иван Бунин во Франции. Дневник Я. Б. Полонского / Предисл. Ефима Эткинда // *Время и мы*. – 1980. – № 56. С. 284.

⁴⁴ **Алданов** (собств. Ландау) Марк Александрович (1886–1957), русский писатель. В эмиграции с 1918 г. Жил в Берлине (до 1924 г.), Париже (до 1941 г.) и Нью-Йорке (до 1947 г.), умер в Ницце. Один из самых близких друзей Бунина.

⁴⁵ **Иванов** Георгий Владимирович (1894–1958), поэт-акмеист, прозаик, литературный критик, мемуарист. В 1922 г. был командирован в Берлин, в Россию не вернулся. В 1923 г. переехал в Париж. С 1955 жил в Доме престарелых в Йер, близ Ниццы.

⁴⁶ **Адамович** Георгий Викторович (1892–1972), поэт-акмеист, литературный критик и переводчик. С 1923 г. в эмиграции, жил сначала в Берлине, затем во Франции. С начала 1940-х гг. дружил с Буниным.

⁴⁷ Письмо М. Алданова Г. Иванову от 9.2.1948: Из книги: «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» / Русский путь, 2008. С. 551.

⁴⁸ «...Не скрывайте от меня вашего настоящего мнения»:

Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957) / Предисловие, подготовка текста и комментарии О. А. Коростелева. – Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына. – М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2011. С. 297–305.

⁴⁹ Устами Буниных.

⁵⁰ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / Под общей ред. О. Н. Михайлова. – М.: ИМЛИ, 2003.

⁵¹ **Цакни** (в замуж. Бунина, затем Де Рибас) Анна Николаевна (1879–1963), первая жена Бунина.

⁵² **Цакни** (урожд. Львова) Зинаида Киселевна (Константиновна; 1850/52?—1883), мать А. Н. Цакни, умерла, когда ее дочери было 4 года.

⁵³ **Федоров** Александр Митрофанович (1874–1952), писатель, близкий друг Бунина. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где до конца жизни преподавал русский язык и литературу в гимназиях.

⁵⁴ *Михайлов О. Н.* Бунин в своих дневниках / В кн. Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. – М.: Грифон, 2006. С. 13.

⁵⁵ *Розанов В. В.* Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. С. 71 (евреи).

⁵⁶ **Жаботинский** Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880–1940) – писатель и публицист, один из лидеров сионистского

движения.

⁵⁷ *Бабореко А. К.* Бунин. Жизнеописание. – М.: Мол. Гвардия, 2004. С. 45.

⁵⁸ *Биск А.* Одесская Литературка (Одесское Литературно-Артистическое Общество) // Новое русское слово. – 1947. – апрель: URL: <http://www.uzluga.ru/potrc/A.+M.+Дерибас+Сборник+статей+и+публикацийс/part-10.html>. См. также *Азадовский Константин*. Александр Биск и одесская «Литературка» / В кн.: Диаспора. Новые материалы. Вып. 1. – Париж; СПб.: Atheneum – Феникс. С. 95–142.

⁵⁹ **Биск** Александр Акимович (1883–1973), поэт, переводчик, филателист, отец французского поэта Алена Боске (Bosquet; 1919–1998). В 1920 г. эмигрировал в Болгарию. Владел в Варне филателистическим магазином. В 1927 г. переехал в Бельгию. С 1940 г. жил во Франции. В 1942 г. обосновался в США (Нью-Йорк).

⁶⁰ **Юшкевич** Семен Соломонович (1868–1927) – русско-еврейский прозаик и драматург.

⁶¹ *Казак В.* Знание. В кн. Лексикон русской литературы XX века. – М.: РНК «Культура», 1996. С. 155.

⁶² *Бабореко А. К.* Бунин. Жизнеописание. С. 96.

⁶³ *Бахрах А.* Бунин в халате. По памяти, по записям. С. 68.

⁶⁴ *Бунин И. А.* Семен Юшкевич // Возрождение. – 1927, 15 февраля (№ 623). С. 2.

⁶⁵ **Зайцев** Борис Константинович (1881–1972). Писатель, мемуарист, переводчик. В эмиграции с 1922 г. С 1924 г. жил в Париже. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже, его председатель с 1945 г. Член бюро Издательского фонда газеты «Русская мысль» (1947 г.), был одним из редакторов газеты, постоянно в ней публиковался. Был знаком с Буниным с 1903 г. и до 1948 г. входил в число его самых близких друзей.

⁶⁶ **Осоргин** (собств. Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942), русский писатель и общественный деятель (эсер), масон. В 1922 г. выслан из СССР, в эмиграции жил во Франции. Был дружен с Буниным.

⁶⁷ **Тальников** (собств. Шпитальников) Давид Лазаревич (1882–1961), врач, впоследствии журналист, театральный критик и литературовед. До Революции поддерживал отношения с И. А. Буниным. В конце 1950-х гг. состоял в переписке с В. Н. Муромцевой-Буниной.

⁶⁸ И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. / Сост. и ред. О. Коростелева и Р. Девиса. – М.: Русский путь, 2004. С. 557–558.

⁶⁹ **Хейфец** Израиль Моисеевич (1867 – не позднее 1945), журналист, главный редактор газеты «Одесские новости». В эмиграции с 1920 г., жил в Париже; **Копельман** Соломон Юльевич (1880–1944), российский издатель и редактор, совладелец издательства «Шиповник»; **Гржебин** Зиновий Ис-

аевич (1877–1929), российский издатель, художник-карикатурист и график, издатель, совладелец издательства «Шиповник» и «Издательства З. И. Гржебина». С 1920 г. жил в Берлине и Париже; **Цетлин (Цейтлин) Натан Сергеевич** (1870-1930-е), владелицздательства «Книгоиздательское товарищество “Просвещение”»; **Дерман** Абрам Борисович (Беркович; 1880–1952), русский писатель, критик, историк литературы и театра; **Коган** Петр Семенович (1872–1932), историк литературы, литературный критик, переводчик. Профессор, затем ректор МГУ. Президент Государственной академии художественных наук, сотрудник Литературной энциклопедии.

⁷⁰ **Айхенвальд** Юлий (1872–1928), литературный критик, пользовавшийся большой популярностью и влиянием. В 1922 г. был выслан из СССР на «философском пароходе» за границу. В эмиграции жил в Берлине.

⁷¹ Айхенвальд погиб 17 декабря 1928 года, попав в результате несчастного случая под трамвай.

⁷² **Кузнецова** (в браке Петрова) Галина Николаевна (1900–1976), поэт, прозаик, переводчик. Эмигрировала в 1920 г., с 1924 г. жила в Париже, в 1927–1942 гг. (с перерывами) – в доме И. А. и В. Н. Буниных в Париже и Грассе. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1942 г. уехала в Германию, в 1949 г. переселилась в США. Сотрудничала в газете «Новое русское слово». В Париже из-

дала книги: «Утро» (1930), «Пролог» (1933), «Оливковый сад: Стихи 1923–1929» (1937), в Вашингтоне – «Грасский дневник» (1967).

⁷³ И. А. Бунин: pro et contra. С. 124.

⁷⁴ Товарищество южнорусских художников: URL: <http://forum.artinvestment.ru/showthread.php?t=40875>

⁷⁵ **Куровской** Владимир Павлович (1869–1915), одесский художник.

⁷⁶ **Нилус** Петр Александрович (1869–1943), художник, писатель и его жена **Нилус-Голубовская** (урожд. Липовская) Берта Соломоновна (1884–1979), близкие друзья Буниных, жившие с ними в одном доме в Париже. В эмиграции с 1919 г. Бунин называл своего друга, Петра Нилуса, поэтом живописи и посвятил ему одно из самых проникновенных своих стихотворений «Одиночество».

⁷⁷ **Буковецкий** Евгений Иосифович (1896–1948), русский художник-портретист, меценат и собиратель. С 1891 г. практически постоянно жил в Одессе, преподавал в Одесском художественном училище.

⁷⁸ *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь с Буниным. Беседы с памятью.* – М.: Вагриус, 2007, цитируется по: URL: <http://www.rulit.me/books/zhizn-bunina-i-besedy-s-ramyatyu-read-194757-77.html>. С. 77.

⁷⁹ *Бахрах А.* Бунин в халате. По памяти, по записям. С. 6.

⁸⁰ *Заславский Давид*. Евреи в русской литературе //Еврейская летопись. – 1928: URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/133/zaslav.htm>

⁸¹ Там же.

⁸² Бунин побывал в молдавско-еврейском городке Сороки в марте 1916 г.

⁸³ *Кузнецова Галина*. Из «Грасского дневника». – Литературное наследство. Том 84: Иван Бунин. Кн. 2 – М.: Наука. С. 278.

⁸⁴ *Бунин И. А.* Собр. сочинений: В 9 томах. Т. 4. С. 157.

⁸⁵ Горький, например, в одном из писем В. Брюсову пишет об аполитичности своего тогдашнего друга следующее: «...не понимаю, как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо». – См. Письмо Горького Брюсову, 1901 год //Печать и Революция. – 1928. – Кн. V. С. 55.

⁸⁶ Толстой Лев. – КЕЭ, том 8, кол. 989–993: URL: <http://www.eleven.co.il/article/14127>

⁸⁷ *Мурав Харриет*. Опасный универсализм: перечитывая «Двести лет вместе» Солженицына // НЛО. – 2010. – № 103. С. 217–231.

⁸⁸ *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795–1995). Т. 1. – М.: Русский путь, 2001. С. 177.

⁸⁹ «Еврейский вопрос как русский» – название программ-

ной статьи Дмитрия Мережковского, опубликованной в первом сборнике «Щит». – См. *Мицухару Акао*. «Еврейский вопрос» как русский (общественное движение русских писателей в защиту евреев в последние десятилетия царской России), цитируется по: URL: [publish/ nol7_ses / llakao.pdf](http://publish/nol7_ses/llakao.pdf).

⁹⁰ *Абильдинова Ж. Б.* Автостереотипные представления о русских в анекдотах: URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Philologia/29153.doc.htm

⁹¹ *Тары Алекс.* Чириковский инцидент – Лучшие Люди России: URL: <http://www.alekstarn.com/chirik.html>

⁹² В 1913 г. для женитьбы на семнадцатилетней Рахили (Розе) Гинцберг – о ней см. примечание к гл. V., Осоргин, будучи по рождению столбовым русским дворянином, прошел гиюр и принял иудаизм (в 1923 г. брак распался).

⁹³ **Бялик** Хаим Нахман (1873–1934), выдающийся еврейский поэт, писавший на иврите.

⁹⁴ «Общество изучения еврейской жизни» было основано в 1915 г. Л. Андреевым, М. Горьким и Ф. Сологубом. Патроном общества стала Императрица Александра Федоровна (sic!), председателем – обер-гофмейстер двора граф И. И. Толстой, в комитет общества вошли П. Милюков, М. Горький, А. Куприн. На одном из первых мест в работе общества стояло издание специальной литературы, не только направленной против антисемитизма, но и рассказывающей о подлинной сути еврейского вопроса в России. В 1915–1916 гг.

было выпущено несколько подобных книг. Самым известным стал сборник «Щит», выдержавший три переиздания. В 1916 г. был подготовлен еще один сборник – «Евреи на Руси», его выходу в свет помешала разразившаяся революция.

⁹⁵ *Тименчик Р., Копельман З.* Вячеслав Иванов и поэзия Х. Н. Бялика //НЛО. – 1996. – № 14. С. 103–105.

⁹⁶ *Бунин Иван Алексеевич.* Собрание соч. в 9 томах. Т. 8. С. 397.

⁹⁷ *Короленко В. Г.* К русскому обществу: URL: <http://1dn-knigi.lib.ru/JUDAICA/KoroLBeilis.htm>

⁹⁸ **Арцибашев** Михаил Петрович (1878–1927), писатель, драматург. С 1923 г. в эмиграции, жил в Польше; **Арабажин** Константин Иванович (1866–1929), писатель, публицист, историк литературы. В эмиграции с 1920 г., жил в Риге; **Чириков** Евгений Николаевич (1864–1932), писатель. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии.

⁹⁹ Воззвание было опубликовано 30 ноября 1911 года в газете «Речь» и растиражировано многими другими печатными органами в период следствия и подготовки к процессу Бейлиса. Вышло отдельным изданием в 1912 г.

¹⁰⁰ *Сажюэл М.* Кровавый навет: странная история дела Бейлиса. – Н.-Й.: 1975: URL.: Htm

¹⁰¹ **Вересаев** (собств. Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), **Потапенко** Игнатий Николаевич (1856–1929), популярные в начале XX в. русские писатели; **Волын-**

ский (Флексер) Аким (Хаим) Львович (Лейбович; **1861–1926**), влиятельный литературный и театральный критик эпохи «Серебряного века».

¹⁰² **Амфитеатров** Александр Валентинович (1862–1938), прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. С 1921 в эмиграции, жил во Франции и Италии.

¹⁰³ *Риникер Даниэль*. «Литература последних годов не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...» Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917). В кн. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. С. 544.

¹⁰⁴ Там же. С. 543–544.

¹⁰⁵ Интересно, что Александр Блок, подписавший воззвание против «дела Бейлиса», отказался поставить свою подпись под обращением с призывом отменить черту оседлости: «Воззвания о снятии черты еврейской оседлости и об уничтожении процентной нормы я не подпишу, как не подписал бы и обратного, так как не считаю себя сведущим в государственной политике России. Я мог бы подписать только воззвание к добрым чувствам, свойственным русскому человеку, по отношению к людям, для которых смысл русского просвещения и дух русского языка во многих известных мне случаях непонятен или враждебен». – Русская литература (Русская литература начала XX в.) – ЭЕЭ: URL: <http://www.eleven.co.il/article/l3623#05>.

Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт-символист, драматург и литературный критик, крупнейший представитель русской литературы «Серебряного века».

¹⁰⁶ **Гусев-Оренбургский** Сергей Иванович (1867–1963), писатель. В эмиграции с 1920 г., с 1923 г. жил в Нью-Йорке.

¹⁰⁷ *Луцик С. З.* Наталья Крандиевская в Одессе (Хроника) // Дом князя Гагарина, вып. II, Одесса, 2001. Сс. 148–160.

¹⁰⁸ **Толстой** Алексей Николаевич, граф (1882–1945), русский прозаик, драматург, поэт, публицист, общественный деятель. В 1919 г. эмигрировал на Принцевы острова, затем поселился в Париже. В 1923 г. вернулся в Россию. В 1936–1938 гг. возглавлял Союз писателей СССР. Являлся депутатом Верховного Совета СССР, четырежды лауреатом Сталинской премии. С 1932 г. неоднократно выезжал за рубеж.

¹⁰⁹ *Толстая Елена.* Начало распыления – Одесса/ASA. – 2006. – № 17:URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/tolstayal7.shtml>

¹¹⁰ **Кондаков** Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог. Академик Петербургской АН. В эмиграции с 1920 г., жил в Софии и Праге.

¹¹¹ **Ганфман** Максим Ипполитович (1872–1934), российский правовед и журналист. В эмиграции с 1918 г., жил в Риге, где был главным редактором газеты «Сегодня»; **Миль-**

руд Михаил Семенович (1883–1942), журналист. С 1922 г. в эмиграции, жил в Риге, с 1924 г. член редколлегии и ответственный редактор, в 1934–1939 гг. главный редактор газеты «Сегодня». Был осужден советскими властями и сослан в ГУЛАГ, где и умер; **Оречкин** Борис Семенович (1888–1943), журналист. В эмиграции с 1920 г., вначале жил в Берлине, затем в Риге, с 1926 г. – член редколлегии «Сегодня». В 1943 г. расстрелян в Каунасском гетто.

¹¹² *Бакунцев Антон*. Иван Бунин и газета «Сегодня»: переписка 1927–1936 годов //Новый журнал. – 2009. – № 257. С. 207–218.

¹¹³ **Цетлина** (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976), доктор философии, общественно-политический деятель, издатель, благотворитель. Жена Н. Д. Авксентьева (в первом браке), М. О. Цетлина (во втором браке), мать А. М. Цетлин-Доминик и А. Н. Авксеньевой-Прегель и В-В. М. Цетлина.

¹¹⁴ **Цетлин** Михаил Осипович (1882–1945), поэт, прозаик, литературный критик, редактор, издатель, благотворитель. Муж (второй) М. С. Цетлиной, отец А. М. Цетлин-Доминик, отчим А. Н. Авксеньевой-Прегель.

¹¹⁵ **Дон-Аминадо** (Аминодав Пейсахович Шполянский, 1888–1957), российский поэт-сатирик, мемуарист. В эмиграции с 1920 г., жил во Франции.

¹¹⁶ **Фондаминский-Бунаков** Илья Исидорович (1880–

1942), публицист, общественно-политический деятель, редактор, издатель. Видный деятель партии эсеров. В 1942 г. отправлен в Аушвиц (Освенцим), где и погиб.

¹¹⁷ **Троцкий** (Trotzki или Trotzky) Илья (Шуа, Пја или Elyohu, Eliahu) Маркович (тппр*», 1879–1969 или 1970), еврейский и русский журналист, писатель и общественный деятель.

¹¹⁸ *Есинов Валерий*. Пусть мне “не поют” о народе (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) / В кн.: IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Республика, 1997. – С. 86–103: URL: <http://shalamov.ru/research/19/>

¹¹⁹ **Буренин** Виктор Петрович (1841–1926), русский публицист, театральный и литературный критик, поэт-сатирик и драматург консервативного направления.

¹²⁰ *Есинов Валерий*. Пусть мне «не поют» о народе (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова).

¹²¹ *Безродный М.* О «юдобоязни» Андрея Белого //Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. С. 100–125.

¹²² *Азадовский К.* «Глаза Юдифи»: Бальмонт и еврейство // Новое литературное обозрение. – 2005. -№ 73: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/aza5.html>

¹²³ Там же.

¹²⁴ *Реале Джованни, Антисери Дарио.* Западная филосо-

фия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4) / Пер. с итал. Под ред. С. А. Мальцевой. – СПб: Пневма, 2003. С. 433.

Глава I

Евреи в литературно-публицистической жизни России начала XX века

В данной главе мы ограничимся лишь самыми общими сведениями, касающимися участия евреев в литературной жизни предреволюционной России, с акцентом на те или иные его аспекты, связанные с литературной борьбой, в том числе конфликтом охранительски-почвеннических и модернистских тенденций, во многом определявшим духовный климат эпохи «серебряного века».

В обширных исследованиях, посвященных евреям в царской России – как запальчиво публицистических¹, наполненных неприязненными, а то и уничижительными коннотациями по отношению к этому некогда многочисленному и самому образованному (в процентном отношении) народу «империи сотен языцев», так и сугубо научных, претендующих на всесторонний исторический анализ², – отмечается, что в начале XX в. ассимилированные евреи массово устремились в русскую литературу, главным образом в журналистику и издательское дело. В социальном аспекте это явление подпитывалось тремя факторами – энергичным процессом

русификации еврейской интеллигенции, отсутствием правовых препятствий заниматься литературно-издательской деятельностью на фоне повсеместного ограничения евреев в правах и резким повышением статуса «журналист» в России. Профессия журналиста, из разряда «щелкопер» превратившегося к этому времени в уважаемую и общественно значимую персону, в крупных российских периодических изданиях была высокооплачиваемой, а издательское дело весьма доходным предприятием. В этой связи представляется вполне закономерным, что образованная еврейская молодежь, в совершенстве владевшая не только идишем и русским, но и европейскими языками (главным образом – немецким), устремилась на ниву литературного труда, где можно было самовыражаться, критиковать реалии российского бытия и одновременно недурно зарабатывать. Вполне естественно, что «еврейская волна» привнесла в русскую литературу новые темы, чувствования и точки зрения. В первую очередь, здесь следует указать, конечно, саму еврейскую проблематику и декларирующие ее еврейские персонажи. Как уже отмечалось, до начала XX в. «еврей» в русской художественной литературе, претендовавшей на всечеловечность-всемирность³, существовал исключительно как отрицательный знаковый типаж⁴. В XX в. еврейские национально ориентированные публицисты «неоднократно констатировали своего рода антисемитскую традицию в русской литературе, от Пушкина до Чехова. Некоторые из них в недо-

умении останавливаются перед тем фактом, что гуманная по своим задачам русская литература лишь в евреях не видела людей и изображала их только лишь в смешном или отвратительном виде.⁵

<...>

Вся подлинная жизнь еврейства оставалась для русской интеллигенции книгой за семью печатями <...>. Салтыков⁶ мог рекомендовать русской публике для ознакомления с этим миром только рассказ польской писательницы (“Могучий Самсон” Элизы Ожешко⁷): “Те, кто хотят знать, сколько симпатии таит в себе замученное еврейство, и какая неистовая трагедия тяготеет над его существованием – пусть обратятся к этому рассказу, каждое слово которого дышит мучительной правдою”.

Впрочем, евреи не представляют в этом отношении исключения. Много ли сделала русская литература для изучения других “инородцев”, населяющих Россию?»⁸

Ответ неутешительный – практически ничего. Классическая русская литература, окарикатуривав поляков, немцев и евреев, краем глаза зацепила еще кавказских горцев, отметив присущие им пылкость и романтизм, но в целом неизменно выказывала удивительное равнодушие ко всему *не русскому*, к тому огромному этнокультурному разнообразию, с которым сосуществовал великоросский этнос. Из ста

с лишним народов, проживавших бок о бок с великороссами в Российской империи⁹, не один не удостоился серьезного внимания со стороны русских писателей. Даже все «украинское» оказывается на периферии русской литературы, как сугубо орнаментальное, симпатичное, но по сути своей не заслуживающее серьезного вдумчивого внимания явление культуры и духовной жизни. Что касается другого братского народа – белорусов, то их русская литература напрочь игнорирует, как бесцветную, не имеющую своих видовых особенностей, а потому не заслуживающую внимания людскую общность. В такой ситуации появление евреев на поле русской культуры, в первую очередь в литературе, естественно, вызвало резко негативную реакцию, особенно со стороны сугубых националистов, стало своего рода притчей во языцех в их полемической публицистике, постоянным поводом для обличительно-оскорбительных инвектив. Здесь, в качестве примера, можно привести писания Василия Васильевича Розанова – самого талантливого, глубокого и противоречивого выразителя взглядов консервативно-охранительского лагеря, который буквально вопиял в своих высказываниях, обращенных к мыслящей части русского общества:

«Услуги еврейские, как гвозди в руки мои, ласковость еврейская, как пламя обжигает меня, ибо, пользуясь этими услугами, погибнет народ мой, ибо обвеянный этой ласковостью, задохнется и сгниет мой народ («Опавшие листья: Ко-

роб первый») <...>

Сила евреев в их липкости. Пальцы их – точно с клеем, “и не оторвешь”, все к ним прилипает и они ко всему прилипают. “Нация с клеем”. <...>

Евреи делают “успех в литературе” и через это стали ее “шефами”. Писать они не умеют, но при этом таланте “быть шефом” им и не надо уметь писать. За них все напишут русские. Вся литература “захватана” евреями. Им мало “кошелька” они пришли “по душу русскую”. (“Опавшие листья: Короб второй и последний”)¹⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.